

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ «ВЫСОКОГО МОДЕРНА» В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Э. ГИДДЕНСА

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Б. Л. Губман

В статье представлены актуальные вопросы выбора жизненного пути человеческой личностью в глобализирующем обществе, с точки зрения знаменитого британского ученого-социолога Э. Гидденса. Его взгляд на проблемы формирования траектории личности в эпоху «высокого модерна» базируются на последствиях глобализационных процессов. Особенность его подхода состоит в интерпретации данной проблемы с точки зрения институциональных формаций, трансформировавшихся под воздействием глобализации. Он рассматривает вопросы определения траектории личности в качестве неизбежных последствий «высокого модерна».

Ключевые слова: *Гидденс, траектория человеческой личности, самоидентификация, высокий модерн, глобализация.*

O. Odzhakly

DETERMINATION OF THE SELF'S TRAJECTORY IN THE "HIGH MODERNISM" AGE OF A. GIDDENS'S SOCIAL PHILOSOPHY

The article presents the issue of choosing the Self's life course in globalising society in the view of British social philosopher A. Giddens. His view about the Self concept transforming in the age of "high modernism" is based on the consequences of the globalisation process and on the institutional formations that are transformed by globalisation. He viewed the questions of determining the Self's trajectory as inevitable consequences of "high modernism".

Key words: *Giddens, trajectory of the Self, self-identity, high modernism, globalisation.*

На протяжении всей человеческой истории люди стремились определить пути развития личности и свое место в социальной системе. В макросоциальном контексте современности рассмотрение проблемы траекторий личности обусловлены особенностями

«высокого модерна»: возникновением новых психосоциальных механизмов личностной самоидентичности, которые формируются под влиянием трансформирующихся институтов модерна и, в свою очередь, трансформируют эти институты. Известный британ-

ский социолог Э. Гидденс предложил оригинальную, категориально развитую и последовательно рационалистическую концепцию современности как продукта двух взаимосвязанных процессов: глобализации и радикальной детрадиционализации социальной жизни, а также место человека в ней. Кардинальное переосмысление природы модерна, предполагающее прежде всего размежевание с элементами провиденциализма, сохранявшимися в «наивном Просвещении», позволило определить наличный тип социальной жизни не как постмодерн, а как «высокий модерн». По его мнению, в эпоху «высокого модерна» «впервые в человеческой истории “Я” и общество оказываются связанными между собой в глобальном масштабе» [3, р. 32]. Гидденс представляет ключевой характеристикой социальной жизни «высокого модерна», отражающей в себе ценностный политеизм, некалькулируемость рисков и механизмы активного доверия, изменение структуры личностной идентичности (self-identity): в период позднего модерна «самость» (self) становится рефлексивным проектом. По Гидденсу, рефлексивный характер самости является отличительной чертой всего модерна, однако только в посттрадиционном обществе она проявляется в полной мере: на предшествующем этапе модерна экспансия рефлексивности сдерживалась и организовывалась традицией. «Личностная идентичность, – отмечает Гидденс, – не является характерной чертой или набором черт, которыми обладает индивидуум. Она представляет собой самость, рефлексивно понимаемую индивидом в терминах ее или его биографии. Идентичность предполагает непрерывность в пространстве и времени, однако самоидентичность является такой непрерывностью, будучи рефлексивно интерпретируемой агентом. <...> Быть “личностью” означает не только быть рефлексивно действующим лицом, но и обладать понятием личности (прилагаемым к себе и другим)» [3, р. 53]. Иными словами, идентичность личности не является каким-то объективным свойством человека – она порождается и поддерживается продолжающимся нарративным движением, интег-

рирующим события, поступки и переживания в связную биографию. В этом широком смысле личностная идентичность во все эпохи человеческой истории имела рефлексивный характер.

Детрадиционализация, отчуждения от традиционных механизмов, отличающая социальную жизнь «высокого модерна», означает не только закат непосредственной власти традиций, но и вообще разложение прочных форм социальной идентичности – национальной, классовой, гендерной и т. п. Этот процесс дополняется тем, что мы могли бы назвать «социализацией тела» – психофизического субстрата личностной идентичности. Человеческое тело все в меньшей степени является природной данностью: «В сферах биологической репродукции, генетической инженерии и разнообразных медицинских вмешательств тело становится предметом выбора и опций» [2, р. 8]. То, что некоторые современные теоретики называют склонностью к нарциссизму [3, р. 30], по мнению Гидденса, является одним из внешних проявлений более глубокого желания рефлексивно контролировать и деятельно конструировать форму собственного тела без каких-либо ограничений. В результате в эпоху «высокого модерна» человеческое тело все в большей мере становится включенным в рефлексивную организацию социальной жизни. Тело уже не является лишь некоторой физической сущностью, которой мы «обладаем», но представляет собой рефлексивную схему практики, и его включение в реальные контексты повседневной жизни является важным фактором формирования связного чувства самоидентичности.

Итак, «Я» как рефлексивный проект – это осуществление целостного, постоянно корректируемого биографического повествования в поливариантном контексте выбора, пропущенного через фильтры абстрактных систем. В таком случае осуществление тождества своей личности, или «разработка траектории Я», становится одной из главных жизненных задач индивида. В условиях высокого модерна «Я» как самоидентичность обладает набором качественных характери-

стик, которые позволяют говорить о специфическом «Я» «позднего модерна». Гидденс выделяет 10 таких характеристик:

1) «Я» есть рефлексивный проект, за который отвечает сам индивид: «мы являемся тем, что мы сами из себя создаем», поэтому «понимание себя подчиненно более фундаментальной задаче построения и реконструкции целостного чувства идентичности» [2, р. 75];

2) «Я» разрабатывает траекторию своего развития, возвращаясь к прошлому и прогнозируя будущее; путешествие в прошлое дает эмоциональную свободу для предвидения и созидания грядущего, построение траектории «Я» базируется на идее многоэтапного жизненного цикла. Именно жизненный цикл (а не события внешнего мира) выступает доминантой траектории «Я» [2, р. 75];

3) рефлексивность «Я» всеохватна и непрерывна, она обладает той же природой, что и историческая рефлексивность позднего модерна как эпохи [2, р. 76];

4) целостность самоидентичности опирается на непрерывность связного автобиографического повествования (артикулированного или нет) [2, р. 76];

5) самоактуализация «Я» предполагает «диалог со временем», или вычленение зон «личного времени, лишь отдаленно связанных с внешним фиксированным временным порядком» [2, р. 77];

6) рефлексивность «Я» охватывает и сферу телесности индивида, так как тело – это часть индивидуальной системы действий, а не ее пассивный объект [2, р. 77];

7) самоактуализация индивида требует равновесия возможностей и риска, которое достигается благодаря эмоциональному преодолению прошлого и осмысленному прогнозированию будущего [2, р. 78];

8) нравственная задача самоактуализации – это достижение аутентичности «Я», т. е. верности самому себе. Этот процесс требует интерпретации прежнего опыта и дифференциации истинного и ложного «Я» [2, р. 78];

9) жизненный цикл личности воплощен в последовательной смене этапов, периодов или эпизодов, которые в отличие от традиционного общества почти не имеют ритуаль-

ных меток или внешней обусловленности. Движение от эпизода к эпизоду, воплощающее в себе баланс возможностей и риска, осуществляется благодаря «рефлексивной мобилизации траектории Я» [2, р. 79];

10) Развитие «Я», т. е. его жизненная траектория, обладает внутренней референтностью, единственно значимой «путеводной нитью» жизненной траектории выступает она сама [2, р. 80]. Таким образом, внутренняя целостность «Я», т. е. его аутентичность, достигается посредством интеграции жизненного опыта в контексте биографического повествования о саморазвитии.

Поскольку в ситуации позднего модерна «у нас нет другого выбора, кроме постоянного выбора», индивидуальное «Я» вынуждено определить свой жизненный стиль, или «более или менее целостный набор используемых практик» [2, р. 80]. Этот набор практик имеет не только утилитарное назначение (что и как потреблять), он придает материальную форму личностному повествованию о самоидентичности. Жизненный стиль воплощается посредством жизненного плана, конкретизацией которого, в свою очередь, выступает индивидуальный жизненный календарь. Индивидуальный календарь подчинен собственной логике, однако в нем с необходимостью находят отголосок события внешнего мира («Я женился в тот год, когда убили Кеннеди») [2, р. 81].

Отсюда самореферентность индивидуальной траектории личности является коррелятом внутренней референтности «высокого модерна», стимулируя становление «Я» как рефлексивного проекта. Сегодня индивидуальный выбор траектории выступает отдельным временным сегментом, который почти не связан с идеей преемственности поколений. Отсутствие традиционных жизненных ориентиров сводит к минимуму необходимость воспроизведения прошлого опыта каждым новым поколением. Благодаря действию высвобождающих механизмов траектории утрачивают локальность, «место» перестает быть значимым параметром опыта. Индивид получает также свободу от традиционных «внешних референтов», влиявших прежде на структуру жизненного пути (авто-

ритет предков, клановая зависимость, родственные связи). Наконец, индивидуальный жизненный путь перестает быть совокупностью «ритуальных пассажиров»; он превращается в набор «открытых периодов опыта», которые отмечены кризисами личной самоидентичности [2, р. 145].

Исходя из этого, Гидденс заключает, что рефлексивное построение траектории личности – это «предвидение необходимости преодоления и разрешения субъективных кризисов». Но в то же время данная модель жизненного пути не тождественна идее личной самодостаточности [2, р. 148]. Целостность создаваемой траектории «Я» становится возможной благодаря рефлексивному использованию самого широкого социального контекста. Внутренняя референтность модерна порождает новые тенденции нравственного порядка, которые можно назвать «испарением моральности», или секвестром (изоляция) опыта. Под секвестром опыта Гидденс подразумевает процесс «сокрытия», или «удаления из повседневной социальной практики всех тех экзистенциальных элементов, которые чреватны нравственным беспокойством и моральными кризисами» [2, р. 161].

В результате институционального секвестра опыта – неизбежного спутника динамики современности – происходит «подавление моральных и экзистенциальных компонентов человеческой жизни, которые, по сути дела, вытесняются на «обочину бытия» [2, р. 167]. В свою очередь, институциональный секвестр опыта, по мнению Гидденса, не может полностью изолировать его экзистенциально-моральные параметры. Даже в «разреженной» атмосфере позднего модерна «жизнь в мире» продолжает оставаться насыщенной экзистенциальными и нравственными дилеммами. Разумеется, эти дилеммы имеют сегодня свои особенности, обусловленные глобализирующими тенденциями высокой современности, которые лишают «локальности» феноменальный мир любого индивида в любом, самом локальном социальном контексте. По мнению Э. Гидденса, дилеммы «Я» «позднего модерна» имеют следующие характеристики:

1. Унификация – фрагментация опыта. Создание рефлексивного проекта «Я» осуществляется как лавирование между бесчисленным количеством социальных событий и форм опыта, опосредованных средствами массовой коммуникации.

2. Беспомощность – приобретение. Варианты жизненных стилей, доступные современному «Я», в равной мере «отчуждают» индивида и награждают его новыми сферами компетенции.

3. Авторитет – неопределенность. В отсутствие высшего авторитета траектория «Я» достигается путем маневрирования между неопределенностью и вовлеченностью.

4. Личностные – товарно-потребительские формы опыта. «Я» как автобиографическое повествование создается в социальных обстоятельствах, обезображенных присутствием властных потребительских стандартов [2, р. 189].

Поскольку осмысление экзистенциальных дилемм «позднего модерна» заключено в границах самореферентных социальных систем, одним из его возможных итогов становится ощущение бессмысленности существования, которое в своей повседневности надежно защищено от внешних раздражителей «хронической рефлексивностью» социального контекста. Однако, достигнув своего апогея в эпоху высокой современности, экзистенциальная изоляция постепенно сменяется нравственным ренессансом, т. е. возвращением «институционально-репрессированных» проблем человеческого бытия. Этот процесс означает, что «экспансия самореферентных систем, которая сопровождала развитие модерна, добралась до своих внешних пределов» [2, р. 206].

Применительно к задачам «Я» как рефлексивного проекта это предчувствие способствует возникновению новых политических форм социальной жизнедеятельности, или жизненной политики. Гидденс определяет жизненную политику как «политику самоактуализации в рефлексивно упорядоченной среде»; а круг ее интересов – как набор тем и задач, обусловленных глобальным взаимовлиянием крупномасштабных и локальных

процессов, обоюдным воздействием глобализирующих тенденций и созидания «Я» как рефлексивного проекта.

Нравственный аспект жизненной политики связан с вопросом о том, «как следует жить в посттрадиционных социальных условиях перед лицом важнейших экзистенциальных проблем». Экзистенциально-нравственное содержание жизненной политики охватывает четыре фундаментальные сферы социального бытия:

- существование как таковое;
- его конечность;
- индивидуальные и коллективные формы опыта;
- личностная самоидентичность [2, р. 217].

Каждая из этих сфер имеет специфическое «моральное поле», присущую ей самореферентную систему и самостоятельный круг нравственных проблем. Существование как таковое связано с самореферентностью природы, его моральное поле включает понятия бытия и выживания в эпоху экологических катастроф и ядерного оружия; нравственные вопросы касаются ответственности человека перед природой и разработки экологической этики. Конечности бытия соответствует «моральное поле трансцендентности», ее референтной системой выступает биологическое воспроизводство человеческого рода, нравственные проблемы связаны с развитием генной ин-

женерии. Индивидуальные и коллективные формы бытия составляют проблему с точки зрения их сосуществования и кооперации; самореферентной системой здесь выступают глобальные системы национальных государств; совокупность нравственных вопросов касается границ научно-технического прогресса и пределов насилия (межличностного, социального, международного). «Наконец, самореферентной системой самоидентичности, существующей в “моральном поле личности”, выступает единство духовных и соматических изменений “Я” (душа и тело), нравственные вопросы здесь связаны с такими темами, как личное право индивида на свое тело, значимость половой дифференциации, права животных и других живых существ и т. д.».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что траектории человеческой личности в эпоху «высокого модерна» являются не чем иным, как «целостным набором используемых практик», охарактеризованных временным фактором и свободным от традиционных и дистанционных ориентиров. Разработка жизненного пути личности, как считает Гидденс, становится первостепенной задачей на закате «высокого модерна», где свобода выбора жизненного стиля реализуется в контексте глобальной взаимозависимости индивидуальных и планетарных потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
2. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age*. UK: Polity Press, 1991.
3. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. UK: Polity Press, 1990.